

Алла АЗАРИНА и Николай КАРАЧЕНЦОВ: «Да будем мы к друзьям своим пристрастны!»

Встр. клуб - 1994 - 3 марта - с. 4

Перефразируя любимого поэта Беллу Ахмадулину, я думаю, что «у каждого человека есть какое-то тайное и любимое воспоминание, к которому он в суете нашей жизни редко возвращается, но помнит всегда и, часто видя во сне, думает: «Туда вернуться невозможно, но когда-нибудь я снова вернусь туда».

Так думаю я о Школе-студии МХАТа... Встречаются выпускники; встретился и наш курс актерского факультета, но этого оказалось недостаточно, и через несколько дней встреча продолжилась, когда в моей квартире появился сокурсник и друг, народный артист России Николай Петрович Караченцов (для меня — Никола, «Черночинец», «обезьяний брат», так прозвал его руководитель нашего курса Виктор Карлович Моноков, потому что Колина мама, работавшая балетмейстером во Вьетнаме, привезла в отпуск живую обезьянку, затем уехала, а Коля остался с обезьянкой и стал «обезьяньим братом»). Тот самый Коля, в короткой, но по росту клетчатой курточке! Варю кофе, мы вспоминаем, вспоминаем. Как у Пушкина: «И восклицанья полились...»!

Н. К.: А ведь наша творческая судьба началась с невезения: мы оба были приняты в студию как вольнослушатели, без стипендии.

А. А.: Разве забудешь? Сначала я решила, что это провал. Стою и реву. Выходит Виктор Яковлевич Станицын: «Ну если вы уже сейчас плачете, то главные слезы еще впереди!».

Н. К.: А я был счастлив, что приняли. Считал себя настоящим студентом. После первого семестра нас ведь зачислили по всем правам.

А. А.: Ну а я частенько после занятий кормила тебя ужином — помнишь?

Н. К.: Еще бы! Я всегда был «несколько» голодным. Вечерами успевал только мороженое купить за 20 копеек: жил один, мама — во Вьетнаме... Уже два года, как мамы нет! Знаешь, лишь сейчас начинаю понимать, насколько она влияла на мою жизнь.

А. А.: Ты ведь учился в школе-интернате?

Н. К.: Да. Последние три года, пока мама работала за границей, мы встречались только летом. Я так ждал этой встречи!.. Позже, когда она приходила на спектакли, я всегда хуже работал, видимо, слишком старался. Никогда не вижу зрительного зала, только ощущаю, а ее, где бы она ни сидела, всегда видел. От мамы шли очень сильные токи.

А. А.: Она делала тебе какие-то замечания?

Н. К.: И всегда точные, самые главные! Ну тебе-то это знакомо. Твоя мама, я помню, даже на всех экзаменах в студии бывала.

А. А.: Не просто бывала, а все роли помогала делать — и в студии, и сейчас... У нее педагогический дар. Война прошла черной полосой по ее актерской судьбе. Она, кстати, начинала в твоём театре — тогда Ленинского

комсомола, у самого Берсенева. Пела ему «Не вечерняя» в «Живом труп». Много лет работала с Тархановым, Белокуровым. Мои родители очень хотели, чтобы я стала актрисой. Папа назвал меня Аллой в честь своей любимой Тарасовой. А я в детстве хотела стать дрессировщицей тигров!..

Н. К.: А мне грезилося, что я танцую в Большом театре.

А. А.: Чаплин сказал, что «удачи и неудачи сваливаются на человека случайно». Согласен?

Н. К.: Мы все зависим от случая. Моя счастливая случайность — приход Марка Захарова в театр. То, что он выбрал меня на роль Тили. Я много играл и до него, но театр был не тот! Ты вспомнила Чаплина, а вот Моруа в романе «Три Дюма» размышляет так: «Каждому человеку выпадает ежедневно по 10 случайностей, которые могут кардинально изменить его жизнь, но лишь Дюма сумел этим воспользоваться».

А. А.: Понимаю. Получить Тили — фантастическая удача. Но надо было еще Удержаться и Сыграть!

Н. К.: Безумно трудно! Захаров работает не так, как учили нас Моноков, Головкин, Станицын. У него свой метод, который я не сразу воспринял: скажем, я не понимал, почему тут — на коленях, а там — шепотом. Мне казалось, что вот-вот придет кто-то другой, например, Андрей Миронов, и Марк Анатольевич скажет: «Извините, Николай Петрович, будем работать двумя составами». А я знаю, что это такое: будет он, а не я!

А. А.: Что же тебе помогло?

Н. К.: Не знаю. Сначала — миллион замечаний, потом вдруг полное молчание, а мне кажется, что я все так же плохо работаю. Ну, думаю, все, ищет другого. На следующий день смотрю — в зале сидит какой-то малый с длинными волосами, смотрит так нагло. Вот он, новый Тиль... После выяснилось — Валя Манохин, будущий балетмейстер нашего спектакля. Да, «Тиль» стал бомбой, привлёк внимание к театру, к Захарову и, естественно, ко мне. А ты, Алла Александровна, как считаешь, твоя первая удача какая?

А. А.: Шекспир. Наши с тобой неосуществленные «Ромео и Джульетта». Помнишь, как мы пробовали это репетировать на 4-м курсе? Очень мне хотелось сыграть Джульетту. Но никто не предлагал. И тогда мой папа, актер и режиссер, посоветовал: «А ты попробуй одна...» Я попробовала. Моноспектакль. Подключился папа, а завершил все режиссер МХАТа Богомолов, замечательный педагог старой плеяды. И получилась моя бомба! Забредли на представление английские журналисты, появилась статья в «Дейли мэйл» под названием «Алла — и все Алла» (я играла

одна 10 ролей). А дальше — многие газеты, и телевидение, и радио, и пластинка!..

Знаешь, что мне интересно узнать? Вот Неле в «Тиле» играла Инна Чурикова, актриса уже с именем. Ты ощущал между вами дистанцию, какой-то барьер? Спрашиваю потому, что меня в свое время поразила Лидия Павловна Сухаревская, которая, пригласив меня сыграть Альку в ее инсценировке повестей Федора Абрамова «Пелагея и Алька», создала на репетициях такую творческую атмосферу, при которой я могла даже делать ей замечания, а она, как ни странно, к ним прислушивалась!

Н. К.: Представляю твою ситуацию, но, думаю, это не совсем тот пример: в какой-то степени тебе было сложнее. Инна — актриса уникальная, но у нее, как говорится, был свой «комплекс»: она пришла в чужой коллектив. Первая роль в театре, главная роль у Захарова. Вдруг не получится? Ни о какой дистанции, менторстве не могло быть и речи. Работать с ней необычайно интересно, вот уж кто не даст расслабиться, «покурить». Сейчас, если она позволит так считать, она мой друг, близкий мне человек. Надеюсь, я для нее — тоже.

А. А.: Мы так редко говорим друг другу комплименты; я «решилась» и говорю: «Ты и Инна блистательно играете в «Сорри». Удивительно: никаких постановочных эффектов, спрятаться не за что, только два актера, а как захватывает! Высший пилотаж...»

Н. К.: Спасибо. Ты внимательно к моим театральным работам. Это очень важно, все-таки один язык, одна школа... Я вот что подумал: ты счастливая актриса, хотя и не в театре, одна, но каких авторов играла! Шекспир, Хемингуэй, Цветаева, Окуджав!.. Ты еще волнуешься перед выходом на сцену?

А. А.: На премьерных спектаклях, когда не очень представляю реакцию зрителя... Леонид Осипович Утесов, который репетировал со мной песни Булата Окуджавы, рассказывал, что у него в день каждого концерта были дикие спазмы в животе, он ужасно раздражался, но едва выходил на сцену, все становилось на место.

Н. К.: М-да. А я, хоть 550-й раз играю, все равно мандражирую. И пытаюсь это в себе хранить. Если «оно» исчезнет, что-то во мне пропадет.

А. А.: Иногда актер играет хорошо, но люди в зале сидят с «холодным носом».

Н. К.: Талант — это еще когда идет сильный импульс в зрительный зал, вроде удара током. Как вылетает на сцену Владимир Васильев! Еще и музыки нет, а ты уже не можешь оторвать от него взгляд.

А. А.: Как писал Вознесенский: «Чудо того чуть-чуть, без которого искусство немислимо...» Смотрю на тебя и невозможно завидую. Какой ты оптимистичный. А мне в последнее время не помогает, если даже «откупорить шампанского бутылку или перечесать «Женитьбу Фигаро».

Н. К.: Не забывай выражение «Держи хвост пистолетом!» Когда мне бывало плохо, я себя физически заставлял поднять голову, как у твоей любимой Беллы Ахмадулиной: «Я не из гордости — из горести так прямо голову держу». Мне кажется, организм запоминает это состояние, и таким образом я и выбираюсь. Может, и чушь, но помогает... А что это ты так хорошо выглядишь, влюбилась, что ли?

А. А.: Может быть. У Юрия Олеши есть мысль, что в основе любого творчества — несостоявшаяся любовь.

Н. К.: Или у Пушкина: «Чтоб именем моим твой слух был поражен всечасно». Но я не помню такого, чтобы, безумно влюбившись, потерпел фиаско и это сжигало бы меня, сбило с ног, я бы развалился и играл отвратительно. Любовь влияет на работу, но не кардинально.

А. А.: Итак, твоя творческая жизнь — это цепь счастливых случайностей. Буду считать своей счастливой случайностью, если когда-нибудь сыграю в одном с тобой спектакле.

Н. К.: Я бы тоже этого хотел.

А. А.: А что ты думаешь о будущем? Услышит ли кто наши голоса — актеров, деятелей культуры — в хаосе мнений и споров?

Н. К.: Думаю, если говорить о состоявшихся художниках, то больше пользы они принесут, занимаясь своим делом, в чем действительно сильны. Правда, бывает, у человека, допустим, литературно-политический дар, как у Марка Захарова. И тем не менее Марк Анатольевич за последние 4 года поставил лишь два спектакля: «Школа для эмигрантов» и «Фигаро». За 4 года! Безусловно, хорошо иметь в государственном совете такую личность, такое талантливое перо. К Захарову прислушиваются. Но все равно мне жалко (или ревность срабатывает?), что у нас из-за этого уходят драгоценные минуты совместной работы...

И еще. Слишком часто видя деятелей искусства на экране ТВ, я постепенно перестаю им верить. То есть я могу понять, когда это крик души. Но такой крик я слышал лишь раз, в ту жуткую октябрьскую ночь, когда «разрывалось сердце» у Лии Ахеджаковой... В других случаях начинаю подозревать (не хочу никого обидеть), что выступление по телевидению — использование возможности личный раз «проклянуться», напомнить о себе в новой политической ситуации: «Ребята, я с вами, я здесь, я на коне!..» Это меня особенно огорчает.

А. А.: Ты прав, художник может гораздо сильнее влиять на общество своим творчеством. Но в роли ты все же высказываешь не собственные мысли и не всегда играешь положительных героев. А ведь многих людей интересует, что думает по тому или иному поводу не актер, а человек Николай Караченцов. А он почему-то молчит.

Н. К.: Тогда, наверно, если башка хорошо прикручена к плечам, нужно сто раз взвесить, в какой момент выступить. Сегодня мой глаз, мое ухо подустали от мелькания театральных деятелей на политической арене. Но, оптимист по природе, надеюсь, что, хотя мы и живем в век дилетантизма, — перепашем, перемелем это трудное время, встанем на профессиональные ноги закона и Россия будет страной истинной демократии!

...Коля говорит, а я смотрю на него и думаю: какой же у меня хороший друг. Надежный, открытый, талантливый. «Да будем мы к своим друзьям пристрастны, да будем думать, что они прекрасны! Терять их страшно, Бог не приведи!»

Столик накрыла
Алла АЗАРИНА,
заслуженная артистка России.
Фото: Александр ТИМОШЕНКО.